

Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации

В статье рассматривается зоонимикон русских народных сказок: определяется видовой состав кличек персонажей-животных, анализируются различные версии происхождения сказочных зоонимов, описываются семантико-словообразовательные зоонимические модели, устанавливаются функции зоонимов в текстах народных сказок, выявляются зоонимические микросистемы отдельных произведений.

Ключевые слова: *русские народные сказки; зоонимы; антропозоонимы; семантико-словообразовательные зоонимические модели; функции зоонимов в текстах сказок; зоонимические микросистемы.*

Evgeniya N. Varnikova

Zoonyms in Russian Fairy Tales: to the Issue of Interpretation.

The article considers the zoonym system of Russian fairy tales. The author determines the species composition of the animal characters, analyses various versions of the origin of the fairy-tale zoonyms, describes the semantic and word-formation zoonimic models, identifies the zoonyms used in the texts of fairy tales and reveals zoonymic microsystems of individual works.

Key words: *Russian fairy tales; zoonyms; anthropozoonyms; semantic and derivational models; functions of zoonyms in fairy tales; zoonymic microsystems.*

Активное развитие литературной (поэтической) ономастики [Калинкин 1999; Ковалев 2004; Магазаник 1978; Супрун 2000; Фонаякова 1990 и др.] обусловило обращение ученых к анализу онимов в фольклорных текстах. Этому аспекту изучения имен собственных посвящены исследования О.Г. Горбачевой, Р.В. Головиной, О.И. Лукошковой, И.А. Петровой [Горбачева 2008; Головина 2001; Лукошкова 2000; Петрова 2001 и др.].

Среди онимов разных классов, функционирующих в текстах тех или иных жанров фольклора, анализируются и клички животных. Однако в связи со слабой изученностью зоонимов по сравнению с антропонимами и топонимами в процессе их

анализа неизбежно возникают вопросы, ответы на которые современная ономастика пока не дает. Некоторые из этих вопросов поставлены в данной статье. Основным источником материала являются сказки, собранные А.Н. Афанасьевым [Народные русские сказки]. Всего было выбрано более 50 зоонимов.

Персонажи-животные встречаются в разных видах сказок, но их назначение и принципы именования различны. В волшебных сказках они являются помощниками главных действующих лиц, обладают чудесными свойствами, способны перевоплощаться. Самый яркий персонаж — это сказочный конь *Сивка-бурка*, *вещая Каурка* (Сказка «Сивка-бурка»). «Функции коня довольно разнообразны. Первая состоит в том, что он переносит по воздуху героя за тридевять земель в иное царство. В дальнейшем он помогает герою победить змея. Он мудрый, вещий, он верный друг и советчик героя» [Пропп 2005: 205]. Магические способности коня подчеркиваются формой обращения к нему хозяина Иванушки-дурачка: «Сивка-бурка, вещая Каурка, стань передо мной, как лист перед травой», а также описанием его появления: «Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей дым, из ушей пламя пышет». Однако, несмотря на волшебную сущность этого персонажа, его имя имеет реальную основу. Оно состоит из трех названий

Евгения Николаевна Варникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University

15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Варникова Е.Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 83–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-83-89.

лошадей по масти: *сивка* (*сивко*)¹ ‘лошадь сивой масти’ [ССРЛЯ 13: 760], *бурка* ‘конь бурой масти’ [ССРЛЯ 1: 702] и *каурка* ‘эпитет лошади в народной поэзии’ [ССРЛЯ 5: 881], ср. также *каурка* ‘лошадь рыжеватой масти’ Олон. 1864, Южн. р-ны Краснояр. 1967 [СРНГ 13: 138]. Образование поэтонима *Сивка-бурка*, *вещая Каурка*, по-видимому, осуществлялось постепенно. По свидетельству Г.Ф. Одинцова, в форме *вещий сивка* он известен с XV в., в современной форме — с XVII–XVIII вв. [Одинцов 1978: 199]. Первичность компонента *сивка* не является случайной: он образован от исконного по происхождению прилагательного *сивый*, производного от того же индоевропейского корня **k'e'i-*, что и слово *серый* [Черных 2: 160]. Прилагательные *бурый* и *каурый* заимствованы из восточных языков. Языки-источники слова *бурый* пока не установлен [Фасмер 1: 249; Черных 1: 125–126; Дыбо 2004: 15]. Слово *каурый* тюркского происхождения [Фасмер 2: 211; Одинцов 1978: 197; Дыбо 2004: 16]. В разных вариантах сказки отмечаются различные варианты зоонима: *Сивка-бурка*, *вещая Каурка*, *Сивка-бурка*, *вещий каурка*, *Сивко-бурко*, *вещий воронко* (меняются род и последний компонент).

Помощниками главного героя являются и благодарные звери. Таковы, например, кот *Васька* и пес *Журка* (Сказка «Волшебное кольцо»), которые в благодарность за спасение их от смерти добывают еду и питье своему хозяину Мартынке, посаженному в высокий каменный столб и обреченному на верную гибель, и возвращают ему украденное его коварной женой-королевой волшебное кольцо. Клички этих животных реальны, как и имя чудесного коня: *Васька* — звательная форма христианского имени *Василий* (от греч. ‘царь’, ‘царский’ ‘царственный’ [Тихонов 1995: 88]), ставшая в русском языке типичной кошачьей кличкой; *Журка*, кличка собаки, может быть образована по той же модели, что и *лаять* → *лайка*, от глагола *журить* ‘бранить’, ‘выговаривать кому-либо’, ‘бить’, ‘гонять’ [Даль 1: 1368].

¹ *Сивый* ‘серый, серовато-сизый’ (обычно о масти лошади) [ССРЛЯ 13: 763–764]; *бурый* ‘темно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком’ [ССРЛЯ 1: 702]; *каурый* ‘светло-каштановый, рыжеватый’. О масти лошадей. [ССРЛЯ 5: 881].

² Возможна и другая интерпретация этого зоонима. В роли клички собаки может быть использовано диалектное название журавля

В роли помощников могут выступать также волк, еж, корова, лисица, лягушка, оса, щука и другие животные, но они, как правило, не имеют имен. По свидетельству литературоведов, животные мотивы волшебных сказок имеют тотемическое происхождение [Пропп 2005: 353].

В бытовых сказках также фигурируют дикие и домашние животные: медведи, волки, зайцы, коровы, лошади, свиньи, овцы, гуси, журавли и др. Но они являются «фоновыми» персонажами или объектами, связанными с невероятными действиями героев-людей, которые обычно не вступают с ними в непосредственное общение. Зоонимы в сказках этого типа встречаются крайне редко, в «реальной» диалогической ситуации, по нашим наблюдениям, — только один раз: в сказке «Не люблю — не слушаю» мужик говорит медведю, оказавшемуся на пчельнике запряженным в телегу и влезшему на дерево: «Вишь, ты какой бездельник, *Мишка*: не просто за медом пришел, на телеге приехал!». Остальные случаи употребления зоонимов (правда, эти номинации можно отнести к зоонимам лишь условно) связаны с разными вариантами сказки «Солдатская загадка»: старушка (в других вариантах — баба), утаившая в печке от солдат, которые остановились у нее на отдых и попросили «попить да поесть», горшок со сваренным петухом (в других вариантах — гусем, журавлем), загадывает им загадку: «А что, детоньки, вы люди бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли *Курухан Куруханович?*» (в других вариантах — *Гагатея Гагатеич* и *Курулинский-Мурлинский*). Все имена собственные в этой загадке являются искусственно созданными по различным ономастическим моделям: *Пенское*, *Черепенское*, *Сковородное* (в других вариантах — «в городе *Печинском*, во селе *Горшинском*») — по топонимическим, *Курухан Куруханович*, *Гагатея Гагатеич*, *Курулинский-Мурлинский* — по антропонимическим моделям. Благодаря основам «зоонимов» птицы, приготовленные на обед, без труда угадываются: *Курухан Куруханович* — кур устар. и обл. ‘петух’ [ССРЛЯ 5: 1854]; ср. также *кураха* ‘курица-наседка’ Смол. 1935–1946, Моск., Калинин., Том. // ‘курица’ Смол. 1956; *курухан* ‘индюк’ Ряз., *журка* → *Журка*: такая модель образования кионимов также известна в русских народных говорах, например, *Орёлка* (Кличка собаки. Горбат. Нижегород. 1852, Твер., Том.) [Даль 1: 1368; СРНГ 23: 334].

Даль. Перм. [СРНГ 16: 147]; два других имени передают звуковые образы гуся и журавля: *Гагатея Гагатеевич* — ср. *гагать* 'гоготать' (о гусях) Даль [без указ. места], Тобол. 1895–1897, Пск., Великолукск., Пск. 1855 [СРНГ 6: 89], *Курлинский-Мурлинский*³ — ср. *курлыкать* 'кричать, издавать звуки «курлы»'. О журавле [ССРЛЯ 5: 1869], *курлынский*, в знач. сущ. Фольк. О журавле. Смол. 1890 [СРНГ 16: 132].

В сказках о животных, напротив, животные являются главными субъектами или объектами повествования, поэтому основная часть зоонимов фиксируется именно в сказках данного типа. На них мы остановимся более подробно.

Происхождение и источники сказок о животных изучены недостаточно. Одним из предполагаемых источников животного эпоса являются мифы первобытных народов. «Но этот источник не единственный. <...> При настоящем состоянии науки тотемическое происхождение животного эпоса не может быть как вполне опровергнутым, так и полностью доказанным. <...> Сказка о животных, хотя ее жанровые признаки еще и не изучены до конца, все же представляет собой совершенно иное явление, чем волшебная сказка, а следовательно, должен быть поставлен вопрос о возможности иного происхождения ее. Она отражает иные мыслительные категории, чем сказка волшебная, а следовательно, может восходить к иным корням общественно-исторического порядка» [Пропп 2005: 344, 353–354].

Ученые отмечают большую древность сказок о животных. На это, в частности, указывает состав действующих в них героев. «Наблюдая за составом животных, выступающих в качестве действующих персонажей в животном эпосе, мы отмечаем преобладание диких и, особенно в русском эпосе, лесных животных. Это — лиса, волк, медведь, заяц и птицы: журавль, цапля, дрозд, дятел, ворона и др. Гораздо реже выступают домашние животные: собака, кот, козел, баран, свинья, бык, лошадь и домашние птицы, из которых чаще других встречается петух. <...> Ведущими персонажами, как правило, являются лесные животные, домашние же животные

в большинстве случаев играют подсобную роль. <...> ...это наводит на предположение, что сказки о животных создавались на такой стадии развития человеческой культуры, когда лесные животные были объектом примитивных форм хозяйствования, т.е. охоты, а также объектом мыслительной и художественной деятельности, прирученных же животных или вообще не было, или они не играли существенной роли. Следовательно, создание животного эпоса следует отнести к доклассовой стадии развития общества» [Пропп 2005: 354].

В животных сказках сформировались свои типичные образы. Главная героиня этих сказок — хитрая лиса, ластивая, лукавая обманщица. Прямая противоположность лисе — простоватый волк, над кем лиса чаще всего издевается. Неуклюжим, неповоротливым оказывается в животной сказке медведь. Типом трусливого животного является заяц и т.д. [Соколов 2007: 384].

Несмотря на многочисленность зоонимов в сказках о животных, имена имеют не все персонажи. Из лесных зверей и птиц клички отмечены у лисы, медведя, волка и тетерева. Из домашних животных — у кота, петуха и козла.

Самый длинный зоонимический ряд связан с образами лисы и лисят: *Лизавета Ивановна, Лиса Патрикеевна (Лиса Патрикиевна), Лисафья*⁴; *Димеша, Мети-шесток (Подмети-шесток), Огня-Вздувай, Пачучилка (Подчучелка, Подчучилка), Пеки-пирог, Поддай-челнок, Ремеша, Трубу-закрывай, Чучелка (Чучилка)* (сказки «Лиса и медведь», «Лисица-девица и Котофей Иванович», «Кот, петух и лиса», «Терем мухи» и др.). Наиболее частотными являются первые два зоонима. В первом из них в качестве клички используется разговорная форма христианского имени *Елизавета* (др.-евр. 'Бог — моя клятва', 'Богом я клянусь', 'Бог мой — клятва', 'Бог клятвы, почитающая Бога' [Тихонов 1995: 491]), созвучная нарицательному названию *лиса*, во втором — само это название. В обоих случаях добавляются «отчества» *Ивановна* (от др.-евр. по происхождению имени *Иван* 'Яхве (Бог) смилоствовался', 'Яхве (Бог) помиловал', 'Бог милует', 'благодать Господня' [Там же: 180]) и *Патрикеевна* (от лат. *Патрикий* 'патриций, принадлежащий к римской знати', 'Патриций сенатор и потомок сенатора римского' [Там же: 282]). Как видим,

³ Второй компонент «зоонима» также имеет звукоподражательное происхождение: ср.: *Курлы-мурлы*, в знач. междом. 1. О мурлыканье кошки. Ветл. Костром. 1900. 2. Дразнилка. Ветл. Костром. 1943 [СРНГ 16: 132].

⁴ Возможно, зооним образован по соотносительности с именами типа *Агафья*.

использование антропонимов в роли кличек не связано с внутренней формой имен.

Многие именованья лисят-дочерей (*Мети-шесток, Огня-Вздувай, Пеки-пирог* и пр.) образованы по древней славянской ономастической модели, включающей в себя императивную форму глагола и субстантив с объектным значением. История этой модели изучена еще недостаточно⁵. Кличка *Чучелка* (*Чучилка*) может быть соотнесена со словами *чуча, чучело, чучелка* 'пугало на огороде', 'подобие человека, кукла', 'набитая кожа зверя, животного, птицы', 'бран. 'уродина' [Даль 3: 1383]. Клички *Чучелка* (*Чучилка*) и *Пачучилка* (*Подчучелка, Подчучилка*) представляют собою словообразовательную пару, возникшую на основе префиксации (думается, первоначально здесь была использована устаревшая приставка *па-* в том же значении 'неродной', что и в парах *дочь — падчерица, сын — пасынок*). Имена лисят-сыновей *Димеша — Ремеша* интерпретировать сложно. Первый зооним, по нашему мнению, может быть соотнесен с диалектизмами *демешка* 'сатана, демон' Осташк. Твер., Белозер. Новг. и *демешкин, демешкины ребята* 'нечистые духи, черти' Осташк. Твер. 1853 [СРНГ 7: 349]. Происхождение второго пока неясно.

Разнообразны номинации медведя: *Миша, Мишенька, Мишка, Михаил Иванович* (*Михаил Иваныч*), *Михайло, Михайло Иванович* (*Михайло Иваныч*), *Михайло Потапович* (*Михайло Потапыч*), *Потапыч* (сказки «Кот и лиса», «Лиса и медведь», «Мужик, медведь и лиса» и др.). С христианским именем *Михаил* (др.-евр. 'равный богу Яхве; кто как Бог' [Тихонов 1995: 247]) эти номинации не могут быть связаны по значению. Отчество *Потапович* также семантически не связано со сказочным образом медведя, но может быть соотнесено с ним на звуковом уровне: ср. сказочный *Потапович* и *Топтыгин* у Н.А. Некрасова.

Именования волка *Левон, Левон Иванович* (*Левон Иваныч*) вызывают вопросы (сказки «Кот и лиса», «Лисица-девица и Котофей Иванович»). Имя *Левон* представляет собою просторечную форму антропонима *Леон* (предположительно лат. 'лев' [Там же: 219]). Интересно, что это имя волка в украинских сказках соотносится с производным от него именованием

собаки *Левонтович*⁶ (сказка «Волчья песня»), представляющим по форме «отчество». Что отражает эта производность? Биологическое родство животных? И почему волк назван в сказках львом?

Имена других представителей дикой фауны имеют явно антропоморфную структуру. Имя тетерева — *Терентий* (предположительно лат. 'трущий, полирующий, растирающий'; 'тереть, растирать, молотить хлеб' [Тихонов 1995: 329]) — возникло по созвучию с названием этой птицы (сказка «Лиса и тетерев»). Имена и «отчества» комара и ерша образованы непосредственно от их названий: *Комар Комарович, Ерш Ершович* (сын) *Щетинников* («фамильное прозвание» усиливает значение «имени» и «отчества») («Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»).

Среди домашних животных самый богатый именной ряд у кота: *Васька-Муська, Котай Иванович* (*Котай Иваныч*), *Котонайло Иванович* (*Котонайло Иваныч*), *Кот Котонаевич, Котофейч, Котофей, Котофей Иванович* (*Котофей Иваныч*) (сказки «О Васье-Мусье», «Кот и лиса», «Лисица-девица и кот», «Лисица-девица и Котофей Иванович», «Кот, медведь и лиса» и др.). Клички *Васька* и *Муська*, как уже отмечалось, в русском языке традиционно являются типично кошачьими. Но происхождение их не изучено. Объединение этих кличек в одну лишь подчеркивает типичность употребления их по отношению к данному виду животных (подобное явление наблюдается и в именовании волшебного коня (*Сивка-бурка, вещая Каурка*). Остальные зоонимы образованы от нарицательного *кот* по моделям христианских имен: *кот* → *Котай* (ср. *Ермолай, Николай*⁷), *кот* → *Котонаил* → *Котонайло* (ср. *Михаил — Михайло*), *кот* → *Котофей* (ср. *Ерофей, Тимофей*⁸).

⁶ В Словаре русских народных говоров фиксируется однокоренная кличка собаки *Левка* [удар.?] Шенк. Арх. 1897 [СРНГ 16: 308]. Не связана ли эта кличка с фольклорными зоонимами?

⁷ По мнению О.Г. Горбачевой, кличка *Котай* соотносится не только с именем *Николай*, но и с фамилиями *Лунай, Будай* [Горбачева 2008: 15]. Однако включение этих антропонимов в один структурный ряд едва ли возможно: сложная история моделей на *-ай* в старорусской антропонимии рассмотрена в работе Ю.С. Азарх [Азарх 1984: 86–88.].

⁸ Имена *Матвей, Михей, Пантелей*, с которыми соотносит зооним *Котофей* О.Г. Горбачева [Горбачева 2008: 15], имеют другую структуру.

⁵ Эта модель отмечается в современных украинских фамилиях: *Варивода, Вздериугуба, Забейворота, Убей-волк* и др., а также в исторической микропонимии: пошня *Ознобикобыла*.

Номинации петуха *Петя*, *Петя-петушок*, *Петенька*, представляющие с точки зрения современного русского языка звательные формы имени *Петр* (греч. 'скала, утес, каменная глыба'; 'камень' [Тихонов 1995: 284]), как видно, не связаны с ним семантически, но близки в звуковом отношении. По созвучию с нарицательным названием возникло и сказочное имя козла *Козьма Микитич* (*Кузьма* — греч. 'мир, украшение'; 'мир, порядок, мироздание', перен. 'украшение, краса, честь'; 'заботящийся о красоте'; *Никита* — греч. 'побеждать', 'победитель' [Тихонов 1995: 214, 257]).

Распространенность антропонимических моделей в сказочной зоонимии приводит некоторых исследователей к слишком прямолинейным, на наш взгляд, выводам: «В дошедших до нас сказках о животных отображен процесс распада тотемистических представлений и развенчания мифа. Животные — это аллегорическое изображение человеческих типов и характеров. Поэтому большинство именовании животных представлены реальными антропонимами или построены по антропоморфным моделям» [Горбачева 2008: 21].

Во-первых, от такого подхода к анализу сказок рассматриваемого типа предостерегал еще В.Я. Пропп: «Если <...> неправильной представляется точка зрения, что сказки о животных изображают жизнь зверей, то неправильной будет и обратная точка зрения, будто под видом животных изображаются люди, что эти сказки имеют аллегорический смысл, т.е. что они, в сущности, представляют собой басни» [Пропп 2005: 340].

Во-вторых, антропозоонимы в сказках имеют вторичный характер, о чем писали в одной из своих работ В.М. Мокиенко и О.И. Фонакова: «...некоторые наиболее древние “человеческие” имена животных при глубинном этимологическом анализе оказываются именами нарицательными, не связанными с именами людей, а лишь созвучными им. Например, *Мишка*, *Михаил Потапыч*, *Миха* и т.д. — медведь — восходит к древнему табуированному славянами апеллятиву со значением ‘медведь’. Или *Петя*, *Петушок*, *Петр Иванович* — петух — в фольклоре восходит, очевидно, к древнерусскому *пѣтъкъ*, *потя*, *потка* — ‘птица’ (курсив наш — Е.В.). ...Такое переосмысление апеллятива помогло не только «специализации» отдельных зоонимов, их укреплению за отдельными видами животных, но и послужило, в конечном счете

прототипом зоонимической модели в древности: антропоним → зооним» [Мокиенко, Фонакова 1976: 321–322].

В-третьих, присвоение сказочным персонажам человеческих имен не может не зависеть от их истории. Как известно, христианские антропонимы в русском языке являются заимствованными, пришедшими на смену древнерусским после крещения Руси. Окончательное вытеснение древнерусских имен церковными ученые датируют лишь концом XVII в. [Бондалетов 1983: 109]. Важно отметить, что в качестве имен и «отчеств» сказочных персонажей-животных используются преимущественно мужские имена, входившие в конце XVII в. в число наиболее частотных и имевших широкую географию: *Иван*, *Василий*, *Петр*, *Михаил*, *Никита*, *Кузьма* [Там же: 109].

Активному использованию антропозоонимов в сказках о животных немало способствует их диалогическая форма. Чаще всего имена употребляются в речи персонажей в функции обращения. Выбор формы того или иного имени всегда подчинен сказочному замыслу, соответствует типологическим свойствам персонажа, служит средством его речевой характеристики, точно передает конкретную речевую ситуацию. Так, например, деминутивные формы имен обычно встречаются в речи лисы: «*Мишенька*, никак, кто-то к нам стучится» (сказка «Лиса и медведь»); «Здравствуй, *Петенька*! ...Я тебе, *Петенька*, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, *Петя*, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне покаяйся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму» (сказка «Лиса-исповедница»); «*Кочетуношка*, *кочетуношка*! Пойдем на гуменцы золотыя яблочки катать» (сказка «Кот, петух и лиса»). Имя-обращение здесь выполняет не только контактоустанавливающую функцию, но и функцию воздействия на собеседника с целью ослабить его бдительность, заставить поддаться на уговоры, что и входит в коварные замыслы хитрой лисы-обманщицы.

В сказке «Кот и лиса» кот, выброшенный хозяином за «шкодливость» в лесу, при встрече с лисой представляется *Котофеем Ивановичем* (в других вариантах — *Котаем Ивановичем*, *Котонаилом Ивановичем*), «присланным из сибирских лесов бурмистром», и женится на лисе. И далее его супруга *Лизавета Ивановна* называет кота только по имени и отчеству, возвеличивая своего мужа

(а заодно и себя), наводит страх перед «бурмистром» *Котофеем Ивановичем* на волка *Левона Ивановича* и на медведя *Михайла Иваныча*, вынуждая их снабжать ее и кота добычей. Наряду с основными для онимов номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей функциями зоонимы в этой сказке выполняют также текстообразующую и репрезентативную функции.

Сочетания имен и «отчеств», употребленные по отношению к животным в обычной речи и в художественном тексте, как правило, имеют ярко выраженные оттенки ироничности, шутливости (ср., например, кот *Василий Васильевич* у Е.И. Чарушина). В сказках эти оттенки становятся более приглушенными (до «понарошку»): персонаж получает номинацию и каждый раз идентифицируется благодаря этой номинации. Так же воспринимаются и отчества, употребленные в сказках без имен: *Котофеич*, *Потапыч* (но возрастные характеристики такие номинации сохраняют, как и в обычном употреблении).

Кроме личных имен и «отчеств» в качестве средств номинации сказочных героев-животных используются прозвища: лисят *Димеша*, *Мети-шесток* (*Подмети-шесток*), *Огня-Вздувай*, *Пачучилка* (*Подчучелка*, *Подчучилка*), *Пеки-пирого*, *Поддай-челнок*, *Ремеша*, *Трубу-закрывай*, *Чучелка* (*Чучилка*) (сказка «Кот, петух и лиса»). Зоонимы-прозвища сохраняют функцию характеристики персонажей по их свойствам и действиям.

Зоонимы отдельных сказок и их вариантов представляют собою микросистемы: в качестве средств номинации используются онимы одного разряда, имена разных животных имеют одинаковые структурно-семантические модели: *Котофей Иванович* — *Лизавета Ивановна* — *Левон Иванович* — *Михайло Иваныч* (сказка «Кот и лиса»), *Чучелка* (*Чучилка*) — *Пачучилка* (*Подчучелка*, *Подчучилка*), *Димеша* — *Ремеша*, *Мети-шесток* (*Подмети-шесток*) — *Огня-Вздувай* — *Пеки-пирого* — *Поддай-челнок* — *Трубу-закрывай* (варианты сказки «Кот, петух и лиса»)⁹.

В заключение нужно отметить, что сказочный зоонимикон в целом характеризуется признаками, свойственными сказке как фольклорному жанру, — традиционностью, вариативностью, импровизацией: имена одних и тех же персонажей

традиционно повторяются в разных сюжетах (и вариантах одного сюжета), однако при этом варьируются состав этих имен и их словообразовательные модели. Для уточнения состава сказочных зоонимов и, возможно, их происхождения, на наш взгляд, перспективен сопоставительный анализ зоонимиконов русских, украинских и белорусских сказок.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. — М., 1984.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М., 1983.

Головина Р.В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2001.

Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2008.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1994.

Дыбо А.В. Названия мастей в русском языке: система и происхождение // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: материалы круглого стола / Филол. фак. МГУ; Ин-т языкознания РАН. — М., 2004. — С. 14–16.

Калинкин В.М. Поэтика онима. — Донецк, 1999.

Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. — Воронеж, 2004.

Лукошкова О.И. Система именования персонажей в русской народной и литературной сказках первой половины XIX в. (На материале произведений В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, П.П. Ершова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2000.

Магазаник Э.Б. Ономастопозитика, или «говорящие имена» в литературе. — Ташкент, 1978.

Мокиенко В.М., Фоныкова О.И. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. — Вып. 4. — Саранск, 1976. — С. 317–322.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. — М., 1957–1958.

Одинцов Г.Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. — М., 1978. — С. 172–221.

Петрова И.А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001.

⁹ Подобные микросистемы зоонимов отмечаются и в украинских сказках: мышата *Верть* и *Круть* (сказка «Колосок»).

Пропп В.Я. Русская сказка. — М., 2005.
Словарь русских народных говоров. Вып. 1—49. — Л.; СПб., 1965—2016.

Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1948—1965. — Т. 1—17.

Соколов Ю.М. Русский фольклор: учеб. пособие. — 3-е изд. — М., 2007.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград, 2000.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. — М., 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 2004.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. — Л., 1990.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1994.

REFERENCES

Azarh Yu.S. Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nyh v istorii russkogo yazyka, Moskva, 1984.

Bondaletov V.D. Russkaya onomastika: study guide for pedagogical institutions, Moskva, 1983.

Golovina R.V. Antroponimy v russkoi narodnoi liricheskoi pesne: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Orel, 2001.

Gorbacheva O.G. Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Orel, 2008.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 1994.

Dybo A.V. Nazvaniya mastei v russkom yazyke: sistema i proiskhozhdenie in *Problemy tsвета v etnolingvistike, istorii i psihologii: roundtable material*, Moskva, 2004, pp.14—16.

Kalinkin V.M. Poetika onima, Donetsk, 1999.

Kovalev G.F. Pisatel'. Imya. Tekst, Voronezh, 2004.

Lukoshkova O.I. Sistema imenovaniya personazhei v russkoi narodnoi i literaturnoi skazkah pervoi poloviny XIX v. (Na materiale proizvedenii

V.A. Zhukovskogo, A.S. Pushkina, P.P. Ershova): extended abstract of Ph. candidate's thesis, Tyumen', 2000.

Magazaniuk E.B. Onomatopoehtika, ili «govoryashchie imena» v literature, Tashkent, 1978.

Mokienko V.M., Fonyakova O.I. Sposoby nazyvaniya v zoonimii, in *Onomastika Povolzh'ya*. Issue 4, Saransk, 1976, pp. 317—322.

Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: in 3 vol., Moskva, 1957—1958.

Odintsov G.F. K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetooboznachenii, in *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka*, Moskva, 1978, pp. 172—221.

Petrova I.A. Paradigmaticheskie otnosheniya imen sobstvennykh i sposoby onomasticheskoi nominatsii geroev v fol'klornom tekste: extended abstract of Ph. candidate's thesis, Volgograd, 2001.

Propp V.Ya. Russkaya skazka, Moskva, 2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Issues 1—49. Leningrad, Sankt-Peterburg, 1965—2016.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Vol. 1—17, Moskva, Leningrad, 1948—1965.

Sokolov Yu.M. Russkii fol'klor: uchebnoe posobie. 3rd issue, Moskva, 2007.

Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskii potentsial, Volgograd, 2000.

Tihonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. Slovar' russkikh lichnykh imen. Moskva, 1995.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 2004.

Fonyakova O.I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste: Study guide, Leningrad, 1990.

Chernych P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: in 2 vol., Moskva, 1994.